

© 1994 г. В.Л. ЯНИН, А.А. ЗАЛИЗНЯК.

БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ ИЗ НОВГОРОДСКИХ РАСКОПОК 1990–1993 гг.

В 1993 г. был опубликован очередной (девятый) том систематического издания новгородских берестяных грамот, включивший найденные в 1984–1989 гг. грамоты № 615–710 [1]. В последующие четыре сезона в Новгороде было обнаружено еще 43 берестяных документа. Наиболее значительным из них посвящена настоящая предварительная публикация, необходимость которой тем более очевидна, что обострившиеся трудности книжного издания делают нереальным в ближайшее время выход десятого тома систематической серии. Лингвистические комментарии к текстам ввиду краткости настоящей публикации опущены. Указанные при грамотах датировки – стратиграфические (кроме случаев, оговоренных в комментариях).

Основным источником новых находок был Троицкий раскоп, работы на котором ведутся с 1973 г. Кроме того, ряд документов обнаружен на Михаилоархангельском (в районе древней Прусской улицы), Федоровском (у южного берега Федоровского ручья) и Лукинском (близ церкви св. Луки на Лубянице) раскопах.

*

Грамота № 710. Троицкий раскоп. Середина 50-х – середина 90-х гг. XII в.

В 1991 г., спустя два года после обнаружения фрагментированной грамоты № 710, которая издана последней в только что опубликованном томе, были обнаружены еще два обрывка этого документа. Хотя для полного восстановления грамоты все еще недостает около 20 букв, определились ее размеры (длина 35,7 см, ширина 6 см), а текст теперь выглядит следующим образом:

+ ѿ сѣмьѣна кѣ доброшѣке : вѣзѣми 8 тодорѣка полѣ деса[т](ѣ) [г]рѣвѣ сѣре-
бра : а ·Г· грѣвѣ : кѣнами : а 8 моисѣа полѣ шестѣ гривѣне кѣнами вѣзѣми :
а 8 вѣнега вѣзѣми Г· : гривѣны : безѣ девати кѣнѣ : а 8 полѣд[а] (в)[з]ѣми :
(ѣ) : гривѣне бѣ шести ногатѣ : а 8 радѣ[ка] (вѣзѣми) -----
-- [8]рѣзѣкѣ : а 8 ильѣ вѣзѣми 8 медѣн(и)ц[а] полѣ[з] ѣ[ѣ]тверѣ[т]а д[ѣ]с[а](а[ѣ]) р[ѣ]ѣ-
занѣ : а 8 гюрѣга вѣзѣ(ѣ)ми : 8 сѣмьѣкинѣц[а] (–) : р[ѣ]ѣзанѣ : ѣцелѣѣ ти ѣсѣмь : ѿ пожа-
рѣ и целѣю та

Автор письма Семьѣн уже известен по грамоте № 685, в которой он был адресатом Доманѣга. Известен также и адресат грамоты № 710 – Доброшѣка: он был автором грамот № 664 и № 665. Все эти три документа относятся к тому же стратиграфическому уровню, причем грамоты № 685 и № 710 найдены на усадьбѣ И, а грамоты № 664 и № 665 – на соседней с ней усадьбѣ З.

Некоторые соображения могут быть высказаны по поводу возможной даты письма. В районе обнаружения грамоты № 710 (на усадьбах Ярышевой улицы) летопись упоминает несколько пожаров. В 1194 г. *зажѣжеса пожарѣ Новегородѣ в недѣлю на Всѣхъ святыхъ, в говѣние, идуче въ заутрѣнюю; загорѣся Савѣкинѣ дворе на Ярышевѣ улицѣ, и баше пожарѣ зѣлѣ, сѣгорѣѣша церѣкви 3: святого Василия, святѣя Троицѣ, святого Вѣздвиженѣя, и много домовѣ добрыхъ; и улича у Лукини улицѣ* [2]. В

том же году въ Людини коньци погорѣ дворовѣ 10 [2, с. 41, 234]. В 1207 г. во время восстания Мирошкинъ дворъ и Дмитровъ зажъгоша, а в 1210 г. бысть пожаръ великъ: загорѣся на Радятинѣ улицы и съгорѣ дворовѣ 4000 и 300, а церкви 15 [2, с. 51, 52, 248, 250]. Представляется вероятным, что в грамоте говорится о пожаре 1194 г.

Долги в грамоте № 710 исчисляются в обычных для ее времени денежных единицах: гривнах серебра, гривнах кун, ногатах, кунах, резанах. Тем досаднее невозможная утрата текста в обозначении долга Радка, выраженного в *узъкъ* (отрезке) чего-то.

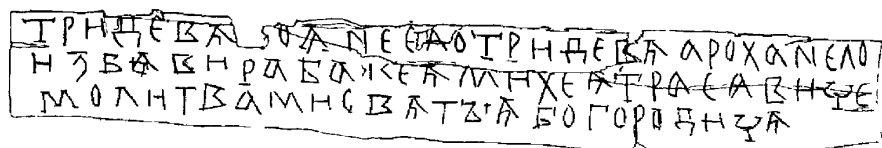
Наиболее значительным обстоятельством, связанным с этой грамотой, является совпадение ее почерка с почерком грамоты № 664. Между тем, если грамота № 710 исходит от Семьюна, то автором грамоты № 664 назван Доброшка (выступающий в грамоте № 710 как адресат). Доброшка был также автором грамоты № 665, написанной иным почерком. Из этого сопоставления возникает вывод о том, что грамоты № 664 и № 710 писаны не названными в них авторами посланий, а рукой писца. Бросается в глаза его профессионализм, который проявляется в особенностях почерка, тяготеющего к книжной традиции. В основном книжный характер имеет и сам текст письма, почти лишенный новгородских диалектизмов.

Грамота № 713. Троицкий раскоп. Первая половина (предпочт. первая четверть) XIII в., усадьба О. Сохранился фрагмент двух верхних строк письма:

(...) (W) михала : ко прокоше : цето ти воудоро : цето ти церѣмени :
цето ти роудавещене : и голуубине добре | ...гож(е) -----
цетверете : [а] оу хот[ена оу це]лопа гривена новаа : оу спирока во
прасолохо | ...

Перевод: "От Михалѣ к Прокше. [Всѣ], сколько у тебя есть выдр, сколько у тебя есть красной ткани, сколько у тебя есть хорошей буро-красной и голубой ткани..." (следовало указание, что со всем этим товаром нужно сделать). Конечная часть грамоты содержала некий перечень долгов: "... четверть, у Хотена Челпа гривна новая, у Спирка на торговцах [такая-то сумма]".

Воудоро – "выдр" (т.е. речь идет о мехе выдры); в новгородских писцовых книгах топонимы Вудрино, Вудрицы, Вудрицкое болото выступают наряду с Выдрино, Выдрица, Выдрище и т.д. *Чермень, рудавщина, голуубина* – оттенки цвета тканей. Михалѣ фигурирует в грамоте № 682, а Прокша – адресат грамоты № 664; оба этих документа стратиграфически близки комментируемой грамоте. Имена Хотен и Челп отразились в новгородской отыменной топонимике: в писцовых книгах известны деревни Хотеницы, Хотеново, Челпино, Челпеново. Имя Спирко встречено в берестяной грамоте № 439 рубежа XII–XIII вв. Принимая во внимание стратиграфическую дату грамоты № 713, под "гривной новой" следует понимать денежную единицу, возникшую в конце XII в. и отличную от "гривны старых (или ветхих) кун", которая упомянута в договорной грамоте Новгорода с Готским берегом и немецкими городами 1191–1192 гг. [3]. Поэтому грамоту надо датировать максимально близко к рубежу XII–XIII вв.

0 1 2 3 4 5 см

Рис. 1 Прорись грамоты № 715

Грамота № 715. Михаилоархангельский раскоп. Первая половина XIII в. Целый документ, текст которого расположен в трех строках:

три дѣва(т)о анѣело три дѣва ароханело
избави раба жеа михеа трасавиче
молитвами сватыа богородича

Перевод: "Тридевять ангелов, тридевять архангелов, избавьте (букв.: избавь) раба (Бо)жия Михея от лихорадки молитвами святой Богородицы". В Паисиевом сборнике рубежа XIV–XV вв. имеется следующий текст: *Недуги лѣчатъ чарами и наузы, немощнаго бѣса, глаголемаго тряскоу, мнятыя прогоняюще нѣкими ложными писмьныи проклятыхъ бѣсов* [4]. Столь древняя запись заговора впервые обнаружена среди берестяных грамот. Еще более ранний текст того же рода см. ниже, в берестяной грамоте № 734.

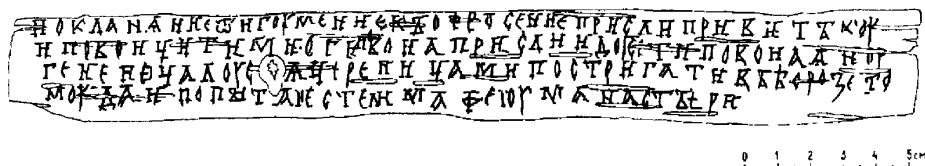

Рис. 2. Прорись грамоты № 717

Грамота № 717. Троицкий раскоп. 60-е гг. XII в. – начало 1210-х гг. Усадьба И. Целое письмо, текст которого расположен в четырех строках:

покланание ѿ игоуменіе кѣ офросеніе присли привитькоу
и повои щі ти многи повои а присли и до ѿ ти повои а а поу-
ге не пецалоуса череницами постригати въ борозе то-
моу даи попытан естє ли маѳѣї оу монастыри

Перевод: "Поклон от игуменьи к Офросении. Пришли привитку и повой (плат). Если у тебя повоев много, то пришли их штук до пяти. А я сильно озабочена черницами: скоро постригать. Поэтому давай-ка разузнай, в монастыре ли Матфей".

Следует напомнить, что место обнаружения грамоты находится в близком соседстве с Варвариним монастырем, в котором в 1168 г. скончалась игуменья Анна, а на ее место была поставлена Маремьяна на [2, с. 33]. В 1195 г. в том же монастыре умершую игуменю Хрестину сменила Варвара [2, с. 42]. Одна из этих женщин, по-видимому, и была автором комментируемого письма. Она озабочена предстоящим в ближайшее время пострижением нескольких женщин в черницы и просит Офросинию прислать ей *повои* и *привитку* (явно от глагола *привити* 'прикрутить', 'примотать') – какой-то элемент одежды (возможно, параманд). Что касается Матфея, очевидно, что он был священником, участие которого необходимо для совершения обряда пострижения.

Грамота № 718. Михаилоархангельский раскоп. Первая половина XIII в. Практически целый документ, в котором фрагментирован небольшой участок правого края. Текст расположен в девяти строках:

на горо́дыщкѣмъ погоро́д(а)(ѣе)
 дани ·Ѡ· гр(и)внъ бѣжи(ц)ъ
 ѡаа цѣрнѣхъ кѣнъ ·Ѡ(·)
 ме́дѣ ·Ѡ· бѣрковѣске · Ѡ·
 ловице ·Ѡ· да́р[ѣ] ·Ѡ· гри́вѣ
 не · дѣщѣкы(м)(ѣ) ... (гри)ъ
 вѣне · полѣти ·Ѡ· [г](ѣрнѣ)ъ
 цѣ ма́сла сани ·Ѡ· по́п[о]н(ѣ)
 ·Ѡ· ме́ха ·Ѡ· кле́тища —

Слово *погородье* известно из уставной смоленской записи о размерах поступления доходов, где оно означает государственный доход с городов [5, с. 146]. Как это очевидно, грамота № 718 является записью о величине сумм в деньгах и натуральном продукте (мед, яловицы, масло, сани, попоны, мешки, грубая ткань – *клѣтище*), следующих главному получателю дани и "детским". Коль скоро детскими назывались должностные лица княжеского двора, под главным получателем дани следует понимать князя, чему соответствует и упоминание предназначаемых именно князю черных кун.

Между тем Русская Правда содержит положение, согласно которому сумма, следующая сборщикам государственных податей (в данном случае – детским), является производной от суммы, причитающейся князю: *А от 12 гривну – емцю 70 кунъ* (Краткая Правда); *А се наклады: 12 гривенъ – отроку 2 гривны и 20 кунъ* (Пространная Правда), что отражает один и тот же процент сборщику от исходной суммы: 70 кун (при равенстве гривны 25 кунам) тождественны 2 гривнам 20 кунам [6]. В комментируемом тексте сумма, причитающаяся князю в деньгах, равна 70 гривнам (30 гривен дани и 40 гривен черных кун; дар, естественно, в общий подсчет не входит, равно как и натуральный доход). Расчет по указанной Русской Правдой пропорции устанавливает, что детским причитается 16,33 гривны; поэтому можно предложить для шестой строки конъектуру: *дѣщѣкы(ѣ) 8 кунъ и полѣ 17 гри(в)не*.

Упоминание Городецка и "бежецких" гривен определяет место действия документа, ассоциируясь со свидетельством приписки к Уставной грамоте князя Святослава Ольговича о епископской десятине: *А се бѣжичьскыи рядѣ. Въ Бѣжичихъ 6 грив(ен) и 8 кунъ, Городецькѣ полѣ пѣты грив(ны), Възмени 5 грив(ен), Езьскѣ 4 грив(ны) и 8 кун, Рыбаньскѣ грив(на) волжская, вы Изьскѣ полѣ грив(ны) волжская* [7]. Здесь упомянуты Городецк и "волжская" гривна, очевидно, идентифицируемая с "бежецкой" гривной берестяного текста. Пункты, названные в этой приписке, локализованы А.Н. Насоновым в верховьях р. Мологи, которая в районе современного города Бежецка протекает через оз. Верестово. Городу Бежецку соответствует древний топоним Городецк (иначе Городец Палиц). Бежецк еще в XVII в. оставался административным центром Городецкого стана в Бежецком Верхе [8]. Остальные пункты (кроме неустановленного Изьска) располагаются ниже Городецка в такой последовательности: погост Бежицы в 10 км от Городецка, при оз. Верестове; погост Узмень (*Възмень*) – в 18 км ниже Городецка; с. Еськи на Мологе (*Езьскѣ*) – в 25 км от Городецка; с. Рыбинское на Мологе (*Рыбаньскѣ*) – в 42 км от Городецка [9].

В момент составления приписки к грамоте Святослава Ольговича территория, указанная в этой приписке, составляла единый податный округ, который распался в начале 60-х гг. XIII в. Согласно "Бежецкому ряду", князь, как и в Обонежье, имел в Бежецке и Городецке право суда, но оно при Дмитрии Александровиче, т.е. в конце 1263 г. или в 1264 г. было прервано на три года: *А судѣ, княже, отдаѣтъ Дмитрии съ новгородци бежичяномъ и обоничяномъ на 3 лѣта, судѣе не слати* [3, с. 11, № 2]. Тогда же Городецк перешел в кориление к некоему Ивану, о чем специально был

информирован в dokonчаниях преемник Дмитрия Александровича на новгородском столе князь Ярослав Ярославич: *а Городецъ, княже, далъ Дмитрии с новгородци Иванку; а того ти, княже, не отъяти* [3, с. 9, № 11]; *Городьць Палиць а то есме дали Иванкови* [3, с. 11, № 2]. Сколько времени Иванко был на этом кормлении, неизвестно, что, однако, и не столь существенно, поскольку Бежецкий Верх был тогда необратимо разделен на Бежецк и Городецк: во всех последующих dokonчаниях между Новгородом и князьями названные волости обозначены уже не как административно-территориальное единство, а как особые территориальные и податные образования – *А се волости новгородьскыє: Бежиче, Городецъ Палиць, Мелечя, Шипино, Егна* и т.д. Для датирования грамоты № 718 важно выяснить, написана она до или после разделения волостей.

До разделения волостей с Бежецкого Верха ежегодно собиралась сумма в 21 гривну и 16 кун (6 гривен 8 кун с Бежиц + 4,5 гривны с Городецка +5 гривен с Узмени +4 гривны 8 кун с Езьска +1 гривна с Рыбаньска +0,5 гривны с Изьска) После же разделения Городецк, надо думать, давал традиционные 4,5 гривны. Грамота № 718 оперирует суммой в 86 гривен 8 кун (70 гривен князю и 16 гривен 8 кун детским). Но эта сумма ровно в четыре раза превышает годовую норму податей, следующих с Бежецкого Верха по "Бежецкому ряду". Следовательно, речь в грамоте идет о получении четырехлетней недоимки с единой территории Бежецкого Верха, а грамота, таким образом, не может быть датирована временем более поздним, нежели начало 60-х гг. XIII в., что соответствует и ее стратиграфической характеристике.

Между тем само наличие этой четырехлетней недоимки является еще одним датирующим элементом грамоты. В зиму 1224/25 г. новгородцы вступили в жестокий конфликт со своим князем Всеволодом Юрьевичем (внуком Всеволода III) и его отцом Юрием, которые захватили Торжок. Разрыв с Всеволодом Юрьевичем привел к перемене на новгородском столе, на который был приглашен черниговский князь Михаил Всеволодович, и *бысть льгько по волости Новугороду*. Добившись возвращения захваченных в Торжке товаров, Михаил однако заявил новгородцам: "*не хочю у васъ княжити, иду Цьрнигову; гость ко мнѣ пускаите, а яко земля ваша, тако земля моя*". Новгородцы же *много ушмаша и, молячесь, и не могоша его умолити, и тако проводиша и съ цьстью* [2; с. 64, 268–269]. В результате новгородцы вынуждены были послать за князем в Переяславль и взять на стол Ярослава Всеволодовича, четырехлетнее правление которого вызывало в Новгороде недовольство, приведшее к тому, что в зиму 1228/29 гг. князь Ярослав получил ультиматум: "*забожнице отложи, судье по волости не слати; на всѣхъ воли нашей и на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ ты нашъ князь; или ты собе, а мы собе*" [2, с. 67, 273]. Последовавший разрыв с Ярославом вернул на новгородский стол Михаила Всеволодовича, который к концу апреля 1229 г. пришел в Новгород и *цѣлова крестъ на всѣхъ воли новгородьстѣхъ и на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ: и вда свободу смърдомъ на 5 лѣт дани не платити, кто сбежалъ на чюжую землю, а симъ повеле, кто сде живетъ, како уставили переднии князи, тако платите дань* [2, с. 68, 274]. Очевидно, что имеется в виду льгота тем смердам, которые бежали из Новгородской земли от князя Ярослава, т.е. четыре года тому назад, и решение о сборе четырехлетней недоимки за тот же срок с податных новгородских территорий. К 1229 г., таким образом, логично относить и комментируемую берестяную грамоту, фиксирующую сбор четырехлетней недоимки с одной из таких территорий.

Грамота № 722. Троицкий раскоп. Конец XII в. – первая половина XIII в. (предпочт. конец 1200-х – 1210-е гг.). Усадьба П. Целый документ, текст которого расположен в трех строках:

вѣвериць :ѿ гривнѣ во бѣлѣ и во сѣрьбѣ соболю :ѿ: гривенѣ
 во сѣтъхо :ѿ: гривнѣ во соукънѣхо и во холстѣхо мѣдвѣдѣ
 но :ѿ: гривнѣ

Список содержит перечень звериных шкур и тканей с их оценкой в гривнах; 12 гривен кроме того обозначены как собственно деньги, состоящие в белках и серебре. Также названы соболя шкурки общей ценой в 4 гривны, сети, сукна и холсты общей ценой в 3 гривны и медвежья шкура в 2 гривны. Обращает на себя внимание употребление термина "веверицы" как собирательное обозначение денег. В том же смысле оно было употреблено в берестяных грамотах № 246 (XI в.), № 335 (первая треть XII в.), № 105 (вторая треть XII в.).

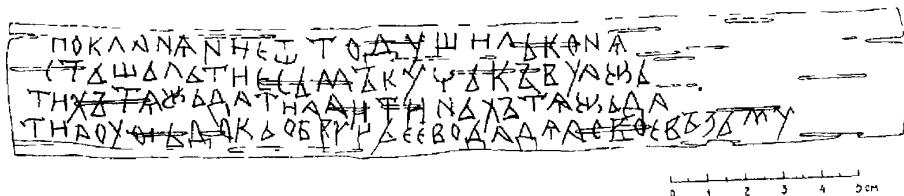

Рис 3 Прорись грамоты № 723

Грамота № 723. Михаилоархангельский раскоп. Вторая половина XII в. Целое письмо, текст которого расположен в четырех строках на внешней стороне берестяного листа:

+ ПОКЛАНАНИЕ ѿѿ Душиль ко на-
 стѣ шль ти есьмъ кучькѣву ажъ
 ти хѣта жьдати ади ти нь хѣта жьда-
 ти а оу фѣдокѣ обрущъ еѣ водада а свое възьму

Душила сообщает Нясте, что он, вернув Федоке ее "обруч", свое возьмет вне зависимости от того, хотят или не хотят ждать. Под "обручем" возможно понимать браслет или кольцо, но также и залог (в том числе обручальный, брачный). Обстоятельства действий Душилы невосстановимы, но грамота имеет исключительное значение в связи с сообщением ее автора о том, что он пошел *Кучькѣву* т.е. "в Кучков", под которым может подразумеваться только населенный пункт. Между тем такой пункт хорошо известен по рассказу Ипатьевской летописи о событиях 1176 г., когда заболевшего в пути князя Михалка Юрьевича несли на носилках, *идоша съ нимъ до Кучкова, рекше до Москвы* [10, стб. 600]. Ипатьевская летопись, сохранившая древнейшее название Москвы, известна по списку первой половины XV в. Только к XVII в. относится запись легенды об основании Москвы, повествующая о боярине Кучке. Следовательно, грамота № 723 является пока единственным свидетельством XII в., подтверждающим, что тогда наименование *Кучковъ* еще не было вытеснено более поздним обозначением, производным от реки, а не от имени первоначального владельца местности.

Имя Душила не чуждо новгородской ономастике. в летописном рассказе 1218 г. фигурируют братья Матей и Иван Душильцевичи, а под 1272 г. упомянут Степан Душилович [2, с. 58–59, 259, 322]. В новгородских писцовых книгах имеется деревня Душилово.

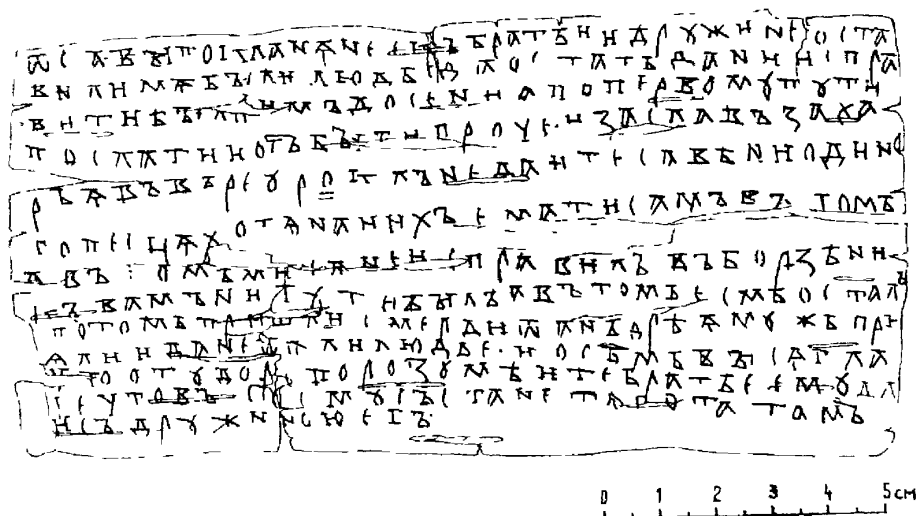

Рис. 4 Прорись грамоты № 724 (начало письма)

Грамота № 724. Михайлоархангельский раскоп. Вторая половина XII в. Целое письмо, написанное на обеих сторонах берестяного листа. Текст начинается на внешней стороне коры, где он состоит из 13 строк, а продолжен на внутренней стороне, где в верхней части листа располагаются еще четыре строки.

На внешней стороне:

Ѡ савы покланамеє кѣ братѣ и дружинѣ оста-
вили ма были людѣ да остатѣ дани испра-
вити было имѣ досени а по первомѣ пѣти
послати и отъбыти проче · и заславѣ заха-
рьа вѣ [ѣ]ре ѡрокѣ не дайте савѣ ни одино-
го песца хотя на нихъ емати самѣ вѣ томѣ
а вѣ [т]омѣ ми са не исправилѣ вѣ борзѣ ни
кѣ вамѣ ни [т]ѣ ти былѣ а вѣ томѣ есмѣ останаѣ
по томѣ пришли смерди Ѡ андрѣа мѣжъ при-
аи и дане Ѡали людѣ · и осьмѣ высагла
что о тѣдоре порозѣмѣите братѣе емѣ да-
че что вѣ [о] емѣ състане тагота тамѣ
и съ дружиною егѣ ·

На внутренней стороне:

а се[а] еваномѣ своемѣ кѣ[н]а[з]ѣ[б] самѣ отъ [в]олокѣ [и]
отъ [м]ѣс[т]ѣ ѡчастькѣ водале а[ч]е ли ти братѣ[ѣ]
вины а[ю]дѣ на ма не ищѣ[тъ] а до[вѣд]ок[а] бѣд[а]е
то же нынеца радѣ быхъ послале [грам]о[тѣ]

Перевод: 'От Савы поклон братьям и дружине. Покинули меня люди; а надлежало им остаток дани собрать до осени, по первопутку послать и отбыть прочь. А Захарья, прислав [человека, через него] клятвенно заявил: "Не давайте Саве ни единого песца с них собрать [Я] сам за это отвечаю". А мне по этому поводу сразу вслед за тем не

распорядился и не побывал ни у вас, ни здесь. С тем я и остался. Потом пришли смерды, от Андрея мужа приняли, и [его] люди отняли дань. А восемь [человек], что под началом Тудора, вырвались. Отнесите же с пониманием, братья, к нему, если там из-за этого приключится тягота ему и дружине его".

Далее на обороте: "А сельчаном своим князь сам [по внешнюю сторону] от Волока и от Мсты участки дал. Если же, братья, вины люди на мне не ищут и будет дознание, то я сейчас с радостью пошлал бы грамоту".

Упоминание о песцах служит указанием на местонахождение плательщиков дани, собираемой Савой. Песцы (иначе – полярные лисицы), будучи представителями фауны Арктики и Субарктики, обитают в полярных материковых тундрах. Сава находится где-то на севере новгородских владений. Упоминание в заключительной части письма Волока заставляет вспомнить, что центральным пунктом поступления заволоцкой дани была Онега, о которой говорится в Уставной грамоте князя Святослава Ольговича, выданной новгородской епископии в 1137 г.: *Того дѣля уставилъ есмь святои Софьи, ать емлетъ пискунъ за десятину отъ виръ и продажъ 100 гривенъ новыхъ кунъ, иже выдаваеъ домажиричъ изъ Онега. Аче не будетъ полна ста у домажирича, а осмьдесятъ выдасть, а дополнокъ възметъ 20 гривен у князя ис клѣти* [5, с. 148]. Логичным представляется видеть в Саве именно онежского домажирича: он не возглавляет подвижный отряд сборщиков, а пребывает в каком-то постоянном месте, куда "по первому пути" "люди" должны доставить собранную "до осени" дань, а затем отбыть прочь.

Между тем "люди" оставили Саву. Вряд ли фразу *оставили ма были людье* следует понимать как сообщение о бегстве от Савы его помощников. Глагол *оставити* имеет много значений, в том числе: 'отказаться', 'отречься', 'отступиться', 'отложиться' и т.п. Возможно, речь идет об отказе местных "людей" выплатить обусловленный остаток дани, когорый именно местным старейшинам надлежало собрать "до осени". Уместно напомнить "лыстовые речи" югорских князьков в 1194 г.: *"сбираемъ сребро, и соболъ, и иная узорочиа, а вы не губите нас, своихъ смердовъ и своеи дани"* [2, с. 40–41, 232–233]. Поводом для отказа от уплаты дани послужило некое распоряжение Захарии, который клятвенно сообщил (*въ вѣрѣ укрѣлъ*): "Не позволяйте Саве хотя бы одного песца брать, сам я в ответе за это".

Дело, однако, на этом не кончилось. Затем пришли смерды (т.е. плательщики дани, как это следует из летописной терминологии цитированного выше рассказа 1194 г.), приняли мужа от Андрея, и "люди" (т.е. сборщики дани Андреева мужа) брали дани в его пользу. Восемь человек из отряда Тудора *выскагли* – выскочили, сумели уйти. Не лишним будет указать, что в грамоте князя Святослава Ольговича 1137 г. в связи с северными данями дважды фигурирует некий Тудор: *на Тудоровѣ погостѣ два сороцька, у Тудора сороцькѣ* [5, с. 148].

Текст оборотной стороны письма вносит определенную ясность в статус неподчинившихся Саве плательщиков дани. Сава напоминает: "А сельчанам своим князь сам дал участки от Волока и от Мсты". Иными словами, речь идет о княжеских поселениях, колонизирующих северные владения Новгорода, а не об аборигенном населении тамошних мест.

Описанная в письме Савы ситуация типична для середины XII – начала XIII вв., когда северные дани были предметом спора между Новгородом и Суздалем. В 1149 г. новгородские данники отправились в поход "в мале"; узнав об их малочисленности, князь Юрий Владимирович Долгорукий послал против них князя Берладского с воинами. В 1169 г., когда Даныслав Лазутинич с новгородской дружиной пошел за Волком данником, *присла Андрей пѣлькъ свои на нь, и биашася с ними, и бѣше новгородьць 400, а суждальць 7000 и пособи богъ новгородьцемъ, и паде ихъ 300 и 1000, а новгородьць 15 муж; и отступиша новгородьци, и опять воротивъшеся, възвзяша всю дань, а на суждальскыхъ сьмрдахъ другую*, что, как известно, послужило

гредлюдей к знаменитой битве новгородцев с суздальцами в 1170 г. В 1219 г. *поиде* *тая зимы Сьмьюнъ Еминъ въ 4-хъ стѣхъ на Тошмокары, и не пусти их Гюрги, ни Ярослав сквозѣ свою землю* [2, с. 28, 33, 59, 215, 221, 260].

Рассматривая эту грамоту как свидетельство одного из эпизодов новгородско-суздальского конфликта из-за северных даней, мы под "мужем Андрея" можем понимать только сборщика дани в пользу суздальского князя Андрея Юрьевича Боголюбского, убитого в 1174 г. Если документ датируется временем ранее 1174 г., то имеется возможность идентифицировать и упомянутого в письме Савы Захарию, который, как мы видели, обладал правом распоряжаться даяниями и данниками. Так звали новгородского посадника, избранного в 1161 г. и убитого в 1167 г. [2, с. 31–32, 218–220], что позволяет датировать грамоту № 724 60-ми гг. XII в. Имеется, однако, возможность еще более конкретизировать эту дату. В рассказе Лаврентьевской летописи о событиях конца 1166 г. сообщается: *Тое же зимы иде Мстиславъ за Волокъ* [11, стб. 353]. Речь идет о походе в область взаимных интересов Новгорода и Суздала сына Андрея Боголюбского Мстислава Андреевича, который и идентифицируется с "мужем Андрея" грамоты № 724. Это дает основание датировать ее зимними месяцами 1166/67 г.

Небезынтересным оказывается место находки грамоты № 724, посланной Савой своей "братье и дружине". Адресаты письма находились на Прусской улице, одна из усадеб которой и исследовалась в Михайлоархангельском раскопе. Между тем расправа с посадником Захарией в 1167 г. принесла посадничество прусскому боярину Якуну, тогда как Захария потерял жизнь, поддержав изгоняемого князя Святослава Ростиславича, который вступил в политический союз с Андреем Боголюбским. Письмо Савы, направленное и против Захарии, и против князя Андрея, обнаружено именно там, где в Новгороде пребывали их главные противники.

В 1169 г. новое столкновение за Волоком, вызванное той же причиной, привело к настоящей войне, которая завершилась 25 февраля 1170 г. победой новгородцев над осадившими Новгород войсками суздальской коалиции. Свою победу новгородцы приписали чуду от иконы "Знамение Богоматери", ставшей главным палладиумом Новгорода. Грамота № 724 ввела нас в неизвестные прежде подробности, освещающие начальную стадию этого исторического конфликта, и разъяснила причины новгородского политического переворота 1167 г.

Грамота № 725. Троицкий раскоп. Конец XII – первая половина XIII вв. Усадьба П. Целое письмо, текст которого расположен в трех строках:

Ѡ рьмышѣ поклананье къ клима(тѣ) и къ павъ[лѣ] ·Ѣ· дѣла которен
любо потроудиса до владычѣ съка(ж)ита владычѣ мою обиду
и мои бои желѣза а а емоу не дѣзъжыне ничимъ же и молю ва са

Перевод: "От Ремши поклон Климате и Павлу. Ради Бога, пусть кто-нибудь из вас (двоих) доберется до архиепископа; скажите архиепископу о моей обиде и о том, как я был бит и закован в кандалы. А я ему (т.е. обидчику) ничего не должен. Прошу же вас".

Один из адресатов этой грамоты Климата уже фигурировал в двух грамотах, обнаруженных ранее в том же стратиграфическом уровне. Ему адресована грамота № 531, написанная его сестрой Анной. Климата назван также в грамоте № 671, перечисляющей владельцев усадеб раскапываемого участка в связи с их вкладами в соседскую братчину. Для необычного имени *Рьмыш* подходящей славянской этимологии не усматривается. Можно предполагать его балтийское происхождение, ср. литовское имя *Rimivýdas* (*Rimivýdas*).

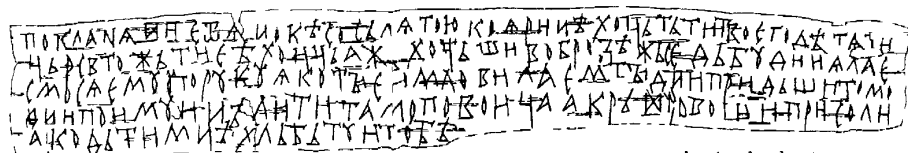
Грамота № 727. Троицкий раскоп. 90-е гг. XII в. – первая половина XIII в. Усадьба И. Почти целиком сохранившийся лист, утративший, однако, верхние слои бересты в правой части, отчего не поддаются прочтению концы некоторых строк. Запись расположена в девяти строках (по техническим причинам здесь концы строк обозначены вертикальной линией):

+ бл҃гословѣно господѣ ·҃҃· хр҃тѣсѣ въ + людие + хр҃стѣ во + да исповѣдаться
 го[сп]одеви + нына [и п]ри + | та жь + хр҃сто въскрьсѣ + акъ съкръши гос-
 поде : врата мѣдѣнаѣ + людие + хр҃стѣ въ + [се]и дн[е] + | и жь сътвори
 господѣ возрадѣмъсѣ + та жь людие : хр҃стѣ въ + слава отецю [и сн]ѣ во
 в[ѣ]кы (...) + да ѡзвѣр(ать) --- | и нына и присно + людѣе + хр҃стѣ въ
 + та же попо + хр҃стѣ въскрьсѣ изъ м[ы]р[ы]твыхо + | людѣе + и гробены-
 им[о] и живото дарова + попо · и гробенымо живото д[ар](ова) --- | та же
 : тръпаре : кондако : та же : светилѣно + плотию ѡсѣ та же -----
 -- | та же :҃҃҃: хр҃тѣсѣ въскрьсѣ[ѣ] : та же тръпарь : та же конодако + та
 же [п]----- (сва)тѣе боже : та же молитва + тако сѣ поестъ обѣденаѣ
 :҃҃҃: хр҃стѣ(въ въ) -----|е часо + фомѣ светилѣно мѡихъ оудо азвы рѣкою
 си испы(тавыи)

Это краткая запись чина службы на Фоминой неделе, составленная попом для памяти. Она состоит из литургических возгласов и начал церковных чтений, соединенных между собой лаконичным метатекстом, описывающим "драматургию" службы: "Люди: ... Затем люди: ... Затем поп: ... Люди: ... Поп: ..." "Затем тропарь, кондак. Затем светилен: ..." "Затем молитва. Так поется обѣдня" и т.п.

В начальной позиции *Благословѣно* сокращенно передает текст "Благословено царство Отца и Сына и Святаго Духа ныне и присно и во веки веков". Позиция *Да исповѣдаться* соответствует тексту "Да исповедятся Господеви милости Его, и чудеса Его сыном человеческим" (псалом 106), а позиция *акъ съкръши* – тексту "Яко сокруши врата медная и вереи железныя сломи" (псалом 106). В позиции *Сеи днье* подразумевается текст "Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся во нь" (псалом 107). Позиция *Да ѡзвѣрять* является сокращенной записью текста "Да узрят нищии и возвеселятся". В позиции *Плотию ѡсѣ* подразумевается текст светильна (ексапостилария) "Плотию уснув, яко мертв Царю и Господи, тридневен воскрес еси, Адама воздвиг от тли, и упразднив смерть; Пасха нетления, мира спасение" (Ексапостиларий, самогласен). В позиции *Мѡихъ оудо* – текст светильна апостолу Фоме "Моих удов рукою твоею испытавый язвы, но не веруи ми, Фоמו, уязвленному тебе ради; со ученики единомудрствуи, и живущаго проповедуи Бога" (Ексапостиларий, глас А).

Обозначенная в грамоте очередность текстов в целом соответствует той, которая указана в Цветной Триоди.

0 1 2 3 4 cm

Рис 5 Прорись грамоты № 731

Грамота № 731. Троицкий раскоп. 40-е – начало 60-х гг. XII в. Усадьба П. Целое письмо, текст которого расположен в пяти строках:

поклананіе ѿ анокѣ со сълатоу ко аринѣ хоцѣ ти твоего дѣтати
цѣ о свѣтѣ · жѣ ти еѣ хоцѣ ажѣ хоцѣши во брозѣ жѣ сѣдѣ бѣди и ала еѣ
смо са емѣ по рѣкѣ ако ты си мловила емѣ ты дни придѣши томо
дни поимѣ и нѣ ли ти тамо повоица · а крѣвоши присоли
а кодѣ ти мнѣ хлѣбѣ тѣ и тобѣ

Перевод: «Поклон от Янки с Селятой Ярине. Хочет-таки детище твоего (т.е. того, что ты имеешь, что ты предлагаешь). К празднику ее хочет. Пожалуйста, срочно будь здесь. А я обещала ему свое согласие [на то, чтобы было], как ты сказала ему давеча: "Придешь – в тот же день сосватаю". А если у тебя там нет повойничка, то купи и пришли. А где мне хлеб, там и тебе».

Письмо представляет собой ответ родителей (фактически матери) на вопрос о возможном сватовстве сына. Согласно убедительной гипотезе А.А. Гиппиуса, Ярина – сваха. Повойник (женский головной убор) – один из характерных атрибутов как замужней женщины, так и свахи; ср. у Даля (т. III, с. 143): *Не рада баба повою, рада б покою*; (т. IV, с. 145): *Сваха на свадьбу спешила, рубаху на мутовке сушила, повойник на пороге катала!* Заключительная фраза грамоты – явно готовая формула, означающая: "где у меня есть пропитание, там и ты будешь сыта"; очевидно, это обещание вознаграждения Ярине.

Заметим, что на соседней усадьбе в слоях конца XII в. найдена грамота № 728: *Ярина* – по-видимому, ярлычок. Имя Селята встречено в грамоте № 632: *Коузема Тоудорове блезоке Селятино сыно*. Этот документ происходит из слоев несколько более древних, чем грамота № 731. Не исключено, что в комментируемом письме речь идет о Кузьме Селятиниче, либо о его брате.

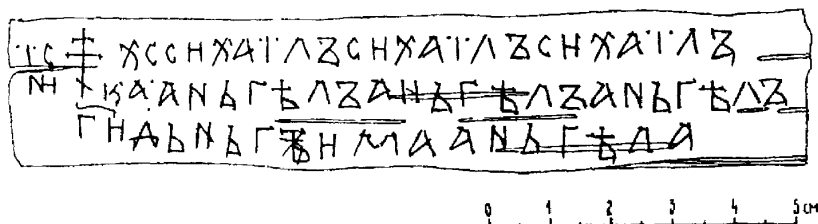

Рис 6 Прорись грамоты № 734

Грамота № 734. Троицкий раскоп. 40-е – начало 60-х гг. XII в. Усадьба З. Целиком сохранившийся документ, текст которого написан в трех строках и предварен изображением восьмиконечного креста с титлами $\text{IC} - \text{XC}$ и $\text{NH} - \text{KA}$ по сторонам:

$\begin{array}{c} \text{Ѹс} \\ \text{ни} \end{array}$	$\begin{array}{c} \text{Ѹс} \\ \text{ка} \end{array}$	:	$\begin{array}{c} \text{сѣхѣтъ} \\ \text{сѣхѣтъ} \\ \text{сѣхѣтъ} \end{array}$
			$\begin{array}{c} \text{ангѣлъ} \\ \text{ангѣлъ} \\ \text{ангѣлъ} \end{array}$
			$\begin{array}{c} \text{гидьнь} \\ \text{гѣ} \\ \text{има} \end{array}$

Отметим изображение восьмиконечного креста с титлами, ближе всего напоминающее такое же изображение в начале известной духовной Варлаама Хутынского, которая относится к рубежу XII–XIII вв. [12]. Восьмиконечность креста на грамоте Варлаама казалась подозрительной, высказывалось мнение, что нижняя перекладина была там подрисована в позднейшее время [13]. Новой находкой эти подозрения лишаются основания.

Грамота № 734 – заговор (вероятно, против болезни). Трижды повторено имя Сихаил и слово "ангел". Сихаил – ангел (или архангел) демоноборец, известный по упоминаниям в заговорах; так, например, он упоминается вместе с Михаилом, вместе с Аносом, вместе с Сисинием и Аносом, как правило, в заговорах против лихорадки [14, с. 353–355, № 4; 15–18].

Третья строка пока еще не имеет надежной интерпретации. Написание *гѣбнь*, вероятно, следует читать как *Господень*; получающееся при таком чтении сочетание "ангел Господень" весьма правдоподобно. *Има* – это скорее всего *имѧ* (с ошибкой в обозначении мягкости). Неясна запись *гѣ*. Возможно, *гѣ* здесь следует понимать как цифру 3 (хотя титла или точек нет); в этом случае *гѣ* могло бы интерпретироваться как сокращенная запись для *(троице)* или *(трое)*, а вся фраза – как "трижды имя ангела" (подразумевается: произнеси, произносится). Прием тройного повторения каждого слова заговора для увеличения его магической силы хорошо известен в этнографии. Приведем также один из опубликованных заговоров против лихорадки: "От трясы. Писать по ровну на бумаге три имени: Анфака, Иугалы, Фатулей" [14, с. 353, №1].

Следует заметить, что изображение креста перед текстом заговора – органичный элемент заклинания. Как говорится в одном из позднейших заговоров, "крест – бесам язва, крест – трясовицам прогнанье" [14, с. 355, № 4].

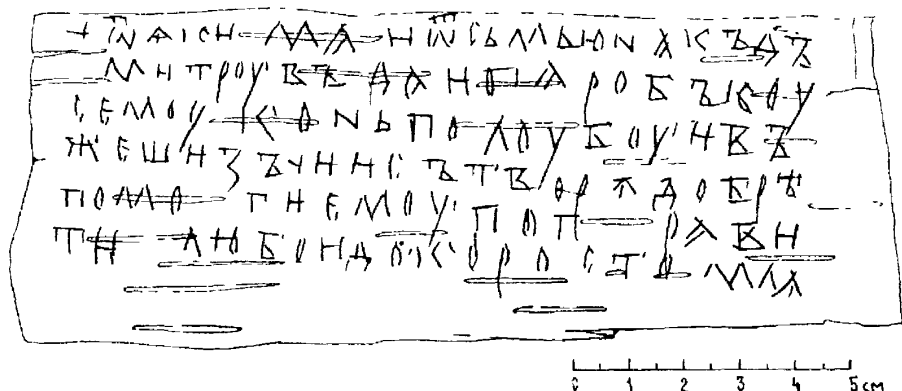

Рис. 7 Прорись грамоты № 735

Грамота № 735. Троицкий раскон. Вторая половина XII в. Усадьба И. Целое письмо, текст которого расположен в шести строках:

+ ѿ акиѧ и ѿ сѣмьѧ кѣ дѣ
митроу вѣди паробѣѡу
сеѡу конѣ полоубоуиѣ
же шизѣи и сѣтвори добрѣ
помоги еѡу · поправи
ти любо и до коростомѧ

Перевод: "От Якима и Семьюна к Дмитру. Дай этому слуге (т.е. подателю сего) коня дурковатого (?) сивого и, пожалуйста, помоги ему доставить [груз] – хоть и до Коростомля" (т.е. если нужно, то даже и до Коростомля).

Один из авторов письма – Семьон – уже известен по грамотам № 685 и № 710, найденным в том же стратиграфическом уровне.

Встреченное в тексте выражение *конь полоубоуиувъ* позволяет понять загадочное место в "Девгениевом деянии": *И повеле Девгений фара своего борзого седлати, а самъ облечеть во многоценныя ризы и поеха на полубице инаходомъ, а фара борзого повеле перед собою вести* [19]. В "Словаре русского языка XI–XVII вв." слово *полубица* реконструируется как *полубища* и разъясняется как "конь, менее горячий, чем фяръ – арабский скакун (ср. бища, бивца о драчливом, норовистом человеке)" [20]. По-видимому, однако, это слово должно быть реконструировано как *полубуица*, производное от *буиш* 'дикий'. Слово *буивыи* имеет и близкие значения 'глупый', 'буйный'. Яким и Семьон распоряжаются, чтобы Дмитр выдал предъявившему их письму парубку полудикого сизого коня.

Обнаружить на картах Новгородской земли пункт с названием Коростомле не удалось, однако однотипные наименования (Видемле, Гжемле, Жемле, Радомле, Судомле, Удомле, Хотемле) присущи, как будто, только озерам.

Грамота № 736. Троицкий раскоп. 10-е – 30-е гг. XII в. Усадьба О. Практически целая грамота, текст которой написан на обеих сторонах берестяного листа разными почерками, причем второе явно представляет собой ответ на первое.

На внешней стороне в трех строках:

+ отъ ивана къ дрист[ь]ливу аже то [на]мъ възале еси павыловъ (а)
[и]а прокопѣ възати а възале ми [е]си а в[ъ]зь[и]ми -з---доу-е а възал[е] а (пр)-
[и]с[ь]ли т[а]коую же вѣсть сѣмо [о]ли есмь саме в[ъ]хоу [лих]в[оу] в[ъ]дале

От письма сохранялся лишь нижний слой (может быть, первый слой оторвал адресат письма перед тем, как воспользоваться оборотом того же берестяного листа для ответа). Поэтому текст во многих местах читается лишь с большим трудом и не всегда надежно. Для недочитанного места во второй строке с учетом сохранившихся элементов букв можно предположить (хотя и без особой уверенности) реконструкцию [и] З[а] (ви) доу [ж]е.

Перевод: "От Ивана к Дристливу. Если ты взял Павловы проценты, то [нужно] взять у Прокопьи. Если же ты [уже] взял, то возьми ... (возможно: также и для Завида). Если же [и это] взял, то пришли об этом весть сюда, пока я сам не отдал все проценты (подразумевается: по своим собственным долгам)".

Выражение *намъ павыловъ* "Павловы проценты", вообще говоря, двусмысленно: это либо проценты, которые Павел должен выплатить, либо проценты, которые ему причитаются. Учитывая характер отношений между действующими лицами, более вероятным следует признать второе.

На внутренней стороне в трех строках:

(о)тъ дристива къ вивану не възале есмь ни вѣкшѣ ни ви-
[а]далъ его толико възалъ есмь ж прокопѣ възалъ без ногъ
атѣ гривнѣ

Перевод: "От Дристива к Ивану. Я не взял ни векши и [даже] не видал его. Я взял только у Прокопьи, [а именно] взял без ногаты гривну". Это непосредственный (и скорее всего немедленный) ответ на письмо, содержащееся на внешней стороне бересты. Слово *его* подразумевает Павла: Дристив либо не взял ни векши у Павла, либо ни векши для Павла. Интересно, что автор предпочитает называть себя чуть-чуть иначе, чем его именует Иван: *Дристивъ*, а не *Дристливъ*.

Вопрос о личности инициатора этого обмена письмами Ивана решается местом грамоты № 736 в топографическом и хронологическом контексте всего комплекса берестяных грамот Троицкого раскопа. Еще в 1980 г. в напластованиях начала XII в. была обнаружена грамота № 586, своим содержанием связанная с военным походом и

называющая некоего Ивана. В 1985 г. в тех же слоях была найдена грамота № 633, упоминающая Ивана как предводителя военного похода. Это дало основание идентифицировать Ивана упомянутых берестяных документов с новгородским посадником Иванком Павловичем, который был избран на эту должность в 1134 г. Он был одним из предводителей похода на Суздаль в конце 1134 г. В этом походе и погиб (в трагической для Новгорода битве на Ждане горе 26 января 1135 г.; и убиша посадника новгородскаго Иванка, мужа храбра зѣло, говорится об этом в летописи [2, с. 23, 208, 445]. С именем Иванка Павловича связан также воздвигнутый в 1133 г. Стерженский крест, надпись которого сообщает об участии Иванка в больших ирригационных работах на верхней Волге: *В дѣмѣ 6641 мѣся июля 14 днь почлахъ рыти рѣкъсю азъ Иванко Павловичъ і крѣсть съ постав(и)хъ* [21].

Находка грамоты № 736, соединяющей имена Ивана и Павла, подкрепляет предложенную идентификацию и позволяет трактовать ее содержание как проявление заботы Иванка Павловича о доходах его отца Павла от тех сумм, которые были им отданы в рост.

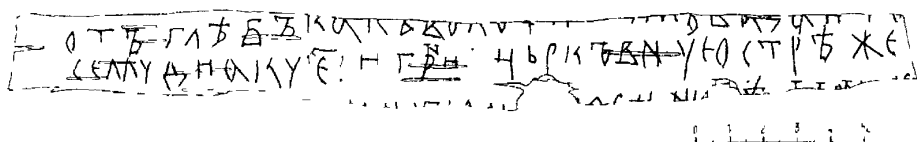

Рис 8 Прорись грамоты № 739

Грамота № 739. Троицкий раскоп. Первое сорокалетие XII в.; вероятно, 1137–1138 г. Усадьба П. Начало письма, сохранившего две строки:

отъ глѣбѣка к[ѣ] воло[ч]а[м](н)[омъ вѣ]д[а]д[ите]
сему дяку :ѿ: и гри църкѣвную стрѣже[...]

Перевод: "От Глебка к волочанам. Выдайте сему дяку 5 и церковную гривну..."

Представляется, что речь идет о взимании пошлыны и церковной десятины с волочан. Если это так, то здесь может иметься в виду только Заволочье, а не Волок Ламский или Волочек Мстинский (Вышний), так как Уставной грамотой Святослава Ольговича 1137 г. церковная десятина обеспечивается сбором пошлыны с двинских волостей. Дьяки в Новгороде бывали и церковными, и светскими (например, в летописи упоминаются вечевые дьяки); знают источники и княжеских дьяков. "5", противопоставленное церковной гривне, в этом контексте должно означать основную сумму сбора, которая в Заволочье может соответствовать и 5 гривнам, и 5 тысячам белок, и 5 сорочкам.

Что касается автора письма, в нем заманчиво было бы видеть брата новгородского князя Святослава Ольговича – Глебка, призванного в 1137 г. на помощь против псковичей, которые приняли к себе изгнанного из Новгорода князя Всеволода Мстиславича: *Потомъ же Святославъ Ольговицъ съвѣкупи всю землю Новгородскую, и брата своего приведе Глѣбѣка, куряны съ половици, идоша на Пльсковъ прогонитъ Всеволода* [2, с. 25, 210] Умер Глеб Ольгович в 1138 г. [11, стб. 306].

Грамота № 745. Троицкий раскоп. Конец XI – первая четверть XII в. Усадьба П. Целиком сохранившееся письмо, текст которого расположен в трех строках:

ѿ павѣла из ростова къ братонѣжѣкоу аже то лодиа прислана кыа
нина обѣсти ж кѣназоу дати не боуде присловѣа ни тобѣ ни павѣ
лови

Перевод: "От Павла [письмо] из Ростова к Братонежжу. Если ладья киевлянина [уже] прислана, то сообщи о ней князю, чтобы не было худой славы ни тебе, ни Павлу". Поскольку автор письма Павел назван в тексте в третьем лице, можно предполагать, что он писал его не сам.

Трактовать сочетание *ѿ Павѣла из Ростова* как "от Павла-ростовца" нет оснований: судя по другим древнерусским текстам, в этом случае ожидалось бы *ѿ Павѣла ѿ ростовѣца*". Павел находится в отъезде и заботится о том, чтобы за это время его репутация не пострадала.

В слое с той же стратиграфической характеристикой были обнаружены берестяные грамоты № 736 (в ней фигурируют Павел и Иван), № 586, № 633 (в них фигурирует Иван), что дало основание идентифицировать Ивана с Иванком Павловичем. Логично в авторе грамоты № 745 видеть отца Иванка – Павла, с которым, вероятнее всего, отождествляется лицо, бывшее в 1116 г. ладожским посадником [2, с. 20, 204]. Известно, что в этот период посадниками в новгородские пригороды назначались бояре-новгородцы; так, в 1132 г. новгородцы назначили псковским посадником Мирослава, а ладожским – Рагуила [2, с. 23, 207]. Братонежко, к которому обращается Павел, судя по структуре имени, мог быть каким-то родственником Нежаты и Нежки. Вполне вероятно, что и сам Павел состоял в родстве с этой семьей, ср. тесные отношения Ивана с Нежатой (грамота № 586) и с Завидом (братом Нежаты и Нежки, грамота № 736). По расчету времени, князем, упомянутым в этом документе, является скорее всего Мстислав Владимирович.

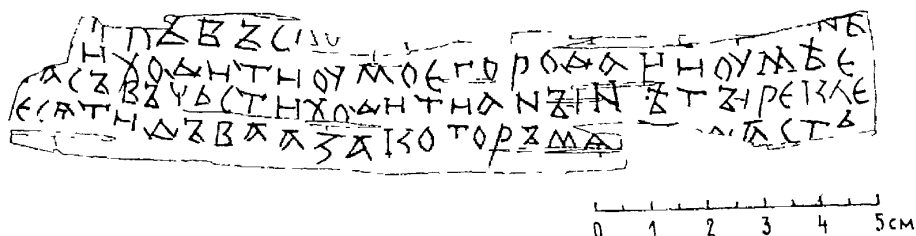

Рис 9 Прорись грамоты № 748

Грамота № 748. Лукинский раскоп. XII в., вероятно, вторая половина. Правая часть письма, не сохранившего верхних строк:

... | ... (въ чѣсѣ)ѿѿи ходити оу моего рода ѿи оумѣе
 ... (оу) [н]асѣ въ чѣсти ходити а нынѣ ты рекле
 ... (д)есати дѣва а за которѣ ма [ѿ]дасть (| ...)

Ниже последней строки могло быть только несколько слов в начале еще одной строки; судя по смыслу, такое продолжение имелось.

Связный перевод из-за обрывов невозможен. В первой строке, по-видимому, было сказано: "... [в чести] ходить (т.е. быть) у моего рода". Может быть, к этой же фразе относилось последующее "умеешь ли", "если умеешь" (или "умест ли", "если умеет"). Вторая строка: "... у нас в чести ходить. А теперь ты сказал..." Третья строка: "... два. А за которого меня отдаст (очевидно, отец), ..."; после этого могло стоять, например: "не знаю" или "за того и пойду". Из последней фразы видно, что автором письма была девушка и речь идет о выдаче ее замуж. *Которыи* в древнерусском языке первоначально означало 'который из двух'; вполне вероятно, что здесь это значение сохранено, т.е. речь идет о выборе из двух возможных женихов (связано ли с этим слово *дѣва* в предыдущей фразе, неизвестно). Девушка пишет мужчине (ср. *ты*

рекле) – может быть, жениху, но, может быть, и какому-то родственнику. Начальная часть текста (до *а нынѣ ты рекле*) – это либо слова самой девушки (в этом случае адресатом скорее всего является жених и речь идет о том, как ему оказаться в чести у новой родни), либо пересказ того, что раньше говорил адресат (ср. *а нынѣ ты рекле*; в этом случае сказанное относится к невесте).

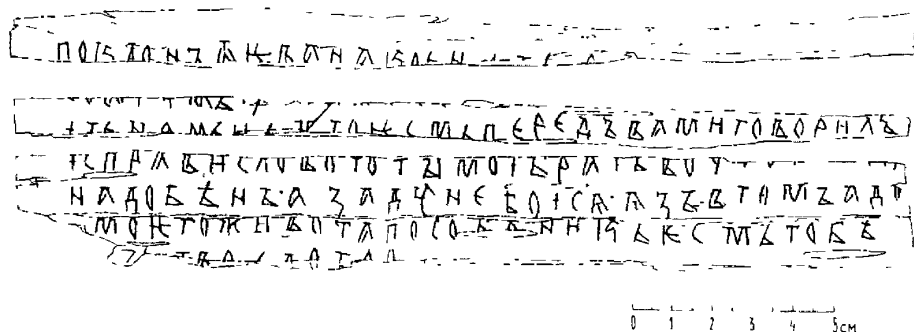

Рис. 10 Прорись грамоты № 749

Грамота № 749. Федоровский раскол. Стратиграфической даты нет, палеографически вторая половина XIV – первая четверть XV вв. Документ обнаружен в четырех фрагментах, из которых два соединились, образовав заключительную часть письма.

Начальная часть:

поклонѣ ѿ квана к [а]ѣн[ѣт]ѣ[ю] ...

Срединная часть:

[с]о [ѡт]цѣ ...
гдѣ на мене [ѡ]то ксѣмь передѣ вами говорилѣ

Конечная часть:

исправи слово то ты мой брат[ѣ] во ѡ[т]ѣ [т]и к[с]и
надобѣнѣ · а задѣ не боиса · азѣ в томѣ · а до
много живота посо[б]никѣ ксѣмь тобѣ
[з]а[а] твоѣ [а]ѡб[р]ѣ

Хотя края срединного и конечного фрагментов не смыкаются, по всей вероятности разрыва в тексте здесь нет (т.е. следует предполагать, что между фрагментами была еще узкая полоска бересты, не содержащая ни одной целой строки).

Перевод (в предположении, что между *говорилѣ* и *исправи* лакуны нет): "Поклон от Ивана к Лѣнтію". После разрыва: "... с отцом ...". После следующего разрыва: "... на меня. Что я перед вами говорил, это [мое] слово ты исполни: ты мой брат, для чего же [еще] ты и нужен! А того, что было (?), не бойся – за это отвечаю я. А я до конца жизни буду тебе помощник за твое добро".

Значение слова *задѣ* в данном контексте не совсем ясно. Скорее всего, это 'прошрое', 'прежнее', т.е. имеется в виду какое-то событие в прошлом, за которое нужно нести ответственность. Но не исключено также и значение 'последствия'.

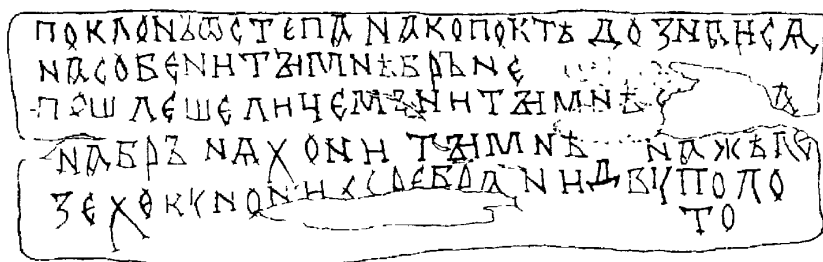
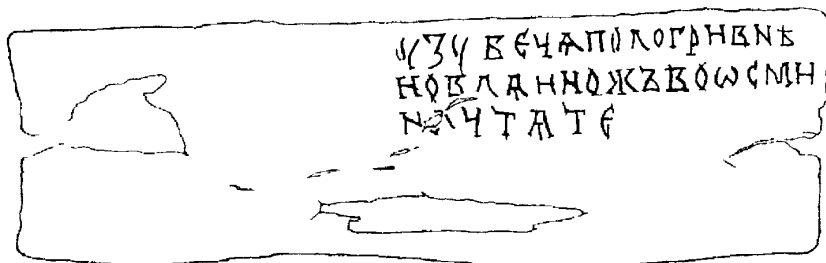

Рис. 11. Прорись грамоты № 750

Грамота № 750. Федоровский раскоп. Рубеж XIII–XIV вв. – первое сорокалетие XIV в. На двух сторонах берестяного листа одним и тем же почерком написаны два разных документа: записка на память самому себе и письмо. Записка расположена на внутренней, более удобной для писания стороне листа; очевидно, она была написана раньше, чем письмо. Либо автор, не найдя другого листа бересты, написал письмо на обороте записки и послал его, не обращая внимания на наличие записки, либо перед нами не само письмо, а его черновик; ср. записи Моисея (грамота № 531), куда входят как списки долгов, так и черновик официальной жалобы.

На внутренней стороне текст в трех строках:

у зубца поло гривнѣ
новаа и ножъ во шсми
нацтате

Перевод: "У Зубца полгривны новых и нож за восемнадцать (не указано, чего)".

На внешней стороне текст в шести строках:

поклонѣ ѿ степана ко поктѣ дознаиса
на себе ни ты мнѣ бръне
пошлеше лицемъ ни ты мнѣ [ш](куп)а
на бр[ѣ]нахо ни ты мнѣ на жѣле
зехо куню [н]и [сере]бра ни дву поло
то

Адресат, по-видимому, именовался *Потка*, т.е. в *ко Поктѣ* переставлены буквы (ср. перестановку букв в *нацтате* той же грамоты). Это прозвище: "птица" (из *пѣтъ*–

ка). Оно было очень распространено: Н.М. Тупиков отмечает целый ряд людей с таким прозвищем, причем большинство из них – новгородцы [22]. Интересно, что в Синодальном списке Новгородской Первой летописи один раз отмечена точно такая же перестановка в данной антропонимической основе: *оубиша Романа Пькта* (под 1200 г.), в младшем изводе – *Романа Потка* [2, с. 45, 239]. Не исключено, таким образом, что метатеза в этом имени носила не графический, а фонетический характер.

Перевод. "Поклон от Степана Потке. Рассуди сам: ты мне не присылаешь ни самих доспехов, ни возмещения за них, ни платы за оковы – ни кун, ни серебра, ни двух полтей". Возможно, впрочем, что словом *желѣза* могли называться не только оковы (кандалы), но и вообще железные изделия.

Стилистика письма великолепна. Автор как бы просто приглашает адресата задуматься над несколькими фактами, явно нарушающими справедливость. Никакого банального резюме типа "так пришел же скорее". Чрезвычайная выразительность достигается, с одной стороны, предельным лаконизмом в изложении фактов (в частности, глагол *пошлешь* не повторяется), с другой – тройным повторением *ни ты мнѣ*, несущего основной эмоциональный заряд, и еще двумя *ни* в составе последней фразы.

Степан, вероятно, – мастер-оружейник или торговец оружейным товаром. Он изготовил (или доставил) для Потки доспехи (которые тот, по-видимому, объявил неудовлетворительными) и оковы, для Зубца нож. За оковы Степан должен был получить плату деньгами (кунами или серебром) и так называемый пополюк (дополнение натурой) – в данном случае два полтя мяса.

Особую проблему составляет термин "гривна новая", фигурирующий в записи о долге Зубца. С момента возникновения новой денежной единицы "рубля" на месте прежней "гривны серебра" на рубеже XIII и XIV вв. величина гривны ("гривны кун") оставалась неизменной вплоть до 10-х гг. XV в., составляя тринадцатую часть рубля (около 13 гр серебра) [23, 24]. Предполагалось, что такой же она была и во второй половине XIII в., когда гривна серебра делилась на 15 гривен кун, а рубль, таким образом, возник путем уменьшения прежней гривны серебра на две гривны кун [24, с. 176]. Однако существует источник, относящийся ко второй половине XIII в. и фиксирующий равенство в Новгороде гривны серебра не пятнадцати, а семи с половиной гривен кун. Имеем в виду статью "О бесчестии" в Пространной редакции Русской Правды: *а за гривну серебра полъ осмѣ гривенѣ* [2, с. 498; 25]. Таким образом, гривна кун во второй половине XIII в. равнялась примерно 26 гр серебра, т.е. вдвое превышала гривну кун рублевой системы XIV в. Именно к последней на первых порах и должно было относиться обозначение "гривна новая". Надо полагать, что его присутствие в тексте грамоты № 750 датирует документ рубежом XIII–XIV вв., когда возникла рублевая система, что соответствует и стратиграфической дате грамоты.

Грамота № 752 Троицкий раскоп 80-е гг. XI в. – 1100 гг. Усадьба К. Сохранилась в виде двух фрагментов длиной до 45,5 см. Первый фрагмент соответствует начальной части письма, второй – его окончанию. Они не соединяются друг с другом, так как отсутствует средняя часть документа.

На первом фрагменте сохранились три строки:

----- (к)[ъ] тобѣ тришьдѣ а въ сю недѣлю цѣтъ до мнѣ зѣла
имееши оже | е[с]и кѣ мнѣ нѣ при|ходишъ а азъ та есмѣла акы братъ собѣ
ци оуже ти есмѣ задѣла сѣлюци а то|бѣ вѣдѣ ако есть не годѣнъ аже бы ти
годѣнъ то [из] оцѣю бы са вытьрьго притькаб | ...

На конечном фрагменте сохранились также три строки:

... [ны]нѣ к[ъ]дѣ инодѣ въспиши жѣ ми [пр]о | [тъбѣ] хаблю ци ти
боуду задѣла своимъ възоумьемъ аже ми са поцѣныши насмихати а соу|дить
бѣ [и] моа худость

Между начальной и конечной частью утрачено не менее двух строк (скорее всего ровно две). Лакуна между *ми* [пр]о и // [тьбъ] *хаблю* довольно велика (около 30 букв).

Перевод: "[Я посылала (?)] к тебе трижды. Что за зло ты против меня имеешь, что в эту неделю (или: в это воскресенье) ты ко мне не приходишь? А я к тебе относилась как к брату! Неужели я тебя задела тем, что посылала [к тебе]? А тебе, я вижу, не люблю. Если бы тебе было любо, то ты бы вырвался из-под [людских] глаз и пришел...". После большого разрыва: "... теперь где-нибудь в другом месте. Отпиши же мне про...". После разрыва в шесть, восемь слов сохранился конец этой (или, может быть, следующей) фразы: ... [тьбъ] *хаблю*; здесь возможны лишь вольные предположения, например, (*николи же сѧ*) [тьбъ] *хаблю* "никогда тебя не оставлю (не отвергну)" или (*хочеши ли дати сѧ*) [тьбъ] *хаблю* "хочешь ли, чтобы я тебя оставила" и т.п. Заключительная фраза: "Буде даже я тебя по своему неразумию задела, если ты начнешь надо мною насмехаться, то судит [тебя] Бог и моя худость (= я)".

Судя по длине лакуны в начале первой строки, адресной формулы в грамоте не было: даже если у фразы, оканчивающейся на *тобѣ тришѣдѣ*, было очень короткое начало (скажем, *сѧла есмь къ*), для адресной формулы места не остается. Отсутствие адресной формулы естественно связывать с интимным характером письма.

По содержанию и стилю грамота уникальна. Ее едва ли можно истолковать иначе, как любовное письмо: при других мыслимых интерпретациях непонятно, как объяснить тему возможной обиды ("задетости") адресата, необходимость укрываться от людских глаз и в особенности страх героини перед тем, что она может стать предметом насмешки.

Письмо написано человеком, несомненно знакомым с литературным языком. Об этом говорят прежде всего выражения *судитъ Б(о)гѣ и моѧ худость, своимъ бѣзоумьемъ, (и)мела акы братѣ собѣ*. Возникает мысль о том, что письмо фактически написано неким третьим лицом – скажем, образованным монахом. Но интимный характер содержания (равно как и отсутствие адресной формулы) делает эту гипотезу весьма уязвимой. Более вероятно все же, что перед нами автограф образованной (следовательно, обладающей достаточно высоким социальным положением) молодой женщины. Можно лишь поражаться тому, сколь изысканное послание могла направить женщина XI века возлюбленному, не пришедшему на свидание. Всплеск ее страсти воплощен в аккуратные строки, написанные красивейшим почерком, однако нервная эмоциональность прорывается в описках, частично, впрочем, исправленных.

Естественность, с которой героиня пишет *въспиши жѣ ми* "напиши же мне в ответ", показывает, что как для нее, так и для ее адресата писать и получать письма было делом обычным. По-видимому и те приглашения, с которыми она уже трижды обращалась к адресату, тоже были письменными.

Уникальность грамоты № 752 особенно очевидна на фоне хронологической статистики берестяных документов Новгорода. Из 753 найденных к сегодняшнему дню грамот только 27 относятся к XI – началу XII вв. и почти все они отличаются прагматической сухостью деловых документов. На Троицком раскопе грамоты раннего периода (XI – начала XIII в.) решительно преобладают, однако и здесь из 201 документа лишь шесть относятся к XI – началу XII в., а последний из них до находок 1993 г. был обнаружен в 1983 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.) М., 1993
- 2 Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов М., Л., 1950
- 3 Грамоты Великого Новгорода и Пскова М., Л., 1949 С 55 № 28
- 4 Сл Моис., 198 // Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка Репринтное издание Т 3 М., 1989 Стб 1030
- 5 Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв М., 1976
- 6 Янин В.Л. Археологический комментарий к Русской Правде // Новгородский сборник 50 лет раскопок Новгорода М., 1982 С 144

7. Тихомиров М.Н., Щепкина М.В. Два памятника новгородской письменности. М., 1952. С. 21.
8. Готье Ю.В. Замосковский край в XVII в. М., 1937. С. 372–373.
9. Насонов А.Н. "Русская земля" и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 91.
10. Полное собрание русских летописей. Т. 2. Изд. 2-е. СПб., 1908.
11. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Изд. 2-е, Вып. 2. Л., 1927.
12. Зализняк А.А., Янин В.Л. Вкладная грамота Варлаама Хутынского // RЛing. XVI. 1993. Р. 185–202.
13. Тихомиров М.Н. О частных актах в древней Руси // Тихомиров М.Н. Древняя Русь. М., 1975. С. 243.
14. Забылин И. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1880.
15. Майков Л.Н. Великорусские заклинания. М., 1869 (заговор № 105).
16. Бродский, Мендельсон, Сидоров. Историко-литературная хрестоматия. Ч. 1. Изд. 4-е. (Б.М.), 1923. С. 39–40.
17. Русский фольклор. Хрестоматия для высших педагогических учебных заведений / Сост. проф. Н.П. Андреев. Изд. 2-е. М.; Л., 1938. С. 53.
18. Соколов М.Н. Новый материал для объяснения амулетов, называемых змеевиками. М., 1895. С. 34.
19. Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981. С. 50–52.
20. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 16. М., 1990. С. 260.
21. Орлов А.С. Бис лиография русских надписей XI–XV вв. М.; Л., 1952. С. 24–25. № 15.
22. Тушиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен // Зап. Отделения русской и славянской археологии имп. Русского археологического общества. Т. VI. СПб., 1903. С. 375.
23. Янин В. Л. Берестяные грамоты и проблема происхождения новгородской денежной системы XV в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 3. Л., 1970. С. 150–179.
24. Янин В. Л. К истории формирования новгородской денежной системы XV в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 11. Л., 1979. С. 251–259.
25. Российское законодательство X–XX веков. Т. 1: Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 73, 127.